

Гендерное восприятие Японии в России и СССР: от страны женщин к стране самураев (с конца XIX в. до Второй мировой войны)

А.Н. Мещеряков

*Институт классического Востока и античности НИУ ВШЭ;
Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, Москва,
Россия*

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-8-67-89

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Слово «самурай» прочно вошло в современный русский язык и, наряду с Фудзиямой, гейшей и сакурой, является одной из «визитных карточек» Японии. Однако так было, разумеется, не всегда. В данной статье прослеживается первоначальный процесс восприятия понятия «самурай» в дореволюционной России и Советском Союзе: от 1890-х гг., от первых военных побед быстро модернизирующейся Японии, до Русско-японской войны и далее до начала Второй мировой войны. Поначалу наделяемый признаками «детскости» или «женственности», мягкости и изящества, образ Японии постепенно становится «мужественным» и все чаще связывается с понятием «самурая». Само это понятие соотносится поначалу с такими качествами, как воинственность и жестокость, но также и преданность господину и «рыцарская» честь; нередко вслед за Нитобэ Инадзо лучшие качества японцев в целом возводятся к самурайской традиции. В дальнейшем японцы предстают во все более карикатурном виде, как алчные, но бессильные агрессоры; поначалу этот образ не связывался с понятием «самурай», но к 1930-м гг. срастается с ним. При этом советские авторы критикуют «женственный» образ Японии; как правящий эксплуататор, так и эксплуатируемый трудящийся чаще всего имеют «мужские» черты. Статья прослеживает ранние японские заимствования в отечественных словарях иностранных слов, отзывы о японцах в сочинениях русских и советских литераторов, характеристики страны и ее жителей в популярных изданиях, посвященных Японии, а также пропагандистские тексты и изображения.

Ключевые слова: Япония, Россия, СССР, самурай, бусидо, пропаганда, карикатура.

Мещеряков Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор Института классического Востока и Античности НИУ

ВШЭ, заместитель заведующего лабораторией востоковедения Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС.

meshtorop@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0001-6004-5743>

Цитирование: Мещеряков А.Н. (2018) Гендерное восприятие Японии в России и СССР: от страны женщин к стране самураев (с конца XIX в. до Второй мировой войны) // Философские науки. 2018. № 8. С. 67–89.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-8-67-89

Gender Image of Japan in Russia and the USSR: From the Country of Women to the Country of Samurai (from the End of the 19th Century to the Second World War)

A.N. Meshcheryakov

Institute for Oriental and Classical Studies, National Research

University Higher School of Economics;

School of Actual Studies in Humanities, Russian Presidential Academy of

National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-8-67-89

Original research paper

Summary

The word “samurai” firmly rooted in the modern Russian language, along with Fujiyama, geisha and sakura. Though obviously this was not always the case. This article traces the initial process of perceiving the concept of samurai in pre-revolutionary Russia and the Soviet Union: from the 1890s, from the first military victories of rapidly modernizing Japan, to the Russo-Japanese War and further to the beginning of the Second World War. Initially endowed with features of “childishness” or “femininity,” gentleness and grace, the image of Japan is gradually becoming “masculine” and is increasingly associated with the concept of “samurai.” At first, this concept is related to such qualities as belligerence and cruelty but also loyalty to lord and “knightly” honor. Often, following Nitobe Inazo, the best qualities of the Japanese are generally traced back to the samurai tradition. Later, the Japanese appear in an increasingly caricature form, as greedy but powerless aggressors. At first, this image is not associated with the concept of “samurai” but by the 1930s fused with it. At the same time, Soviet authors criticize the “feminine” perception of Japan – they describe both the ruling exploiter and the exploited worker with “masculine” traits. The article examines the early Japanese borrowings in Russian dictionaries of foreign words, the im-

ages of the Japanese in the writings of Russian and Soviet writers, the characteristics of the country and its inhabitants in popular editions devoted to Japan as well as in propaganda texts and pictures.

Keywords: Japan, Russia, USSR, samurai, bushido, propaganda, caricature.

Alexander Meshcheryakov – D.Sc. in History, Professor, Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University Higher School of Economics; Deputy Chief of Department, School of Actual Studies in Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

meshtorop@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0001-6004-5743>

Citation: Meshcheryakov A.N. (2018) Gender Image of Japan in Russia and the USSR: From the Country of Women to the Country of Samurai (from the End of the 19th century to the Second World War). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 8, pp. 67–89.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-8-67-89

Введение

Во второй половине XIX в. под напором западных держав Япония была вынуждена отказаться от почти полной изоляции, которую она практиковала в течение двух с половиной веков. За исторически короткое время страна провела всеобъемлющие и весьма успешные реформы, имевшие целью догнать Запад [Мещеряков 2009]. Эти преобразования вызывали на Западе и в России достаточно сочувственные отклики и даже изумление: Японию считали единственной страной на «Востоке», которая оказалась способной быстро освоить многие достижения Запада, воспринимавшегося как единственно возможный носитель «настоящей» цивилизации. При этом практически никто не расценивал Японию как возможного конкурента (военного, геополитического, экономического).

Рубеж XIX–XX вв.

В 1894–1895 гг. Япония одержала никем не ожидаемую победу над самой крупной страной Азии – Китаем. Во время и после этой войны в России зазвучали первые нотки беспокойства по отношению к Японии. Владимир Соловьев увидел в японском воинстве Антихриста. За победами японцев в войне с Китаем он предвидел угрозу будущему России. В 1894 г. он с нескрываемым ужасом писал:

О Русь! забудь былую славу:
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен...

С подачи Вильгельма II в Европе, Америке и России заговорили о японской «желтой опасности», но в широком общественном мнении Япония не воспринималась как настоящая угроза. Япония вообще была объективирована достаточно слабо. Одним из подтверждений этого тезиса могут послужить словари. Так, в авторитетном словаре 1865 г. «Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней», японские термины (такие как самурай, гейша и т.п.) полностью отсутствуют. Нет их и в издании 1877 г., куда вошло уже 50 000 слов. Отсутствуют они и в 86-томном энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (начал издаваться в 1890 г.), хотя статья «Япония» там, разумеется, есть.

Отношение западных держав к «отсталым» странам в то время часто облекалось в форму гендерно-возрастных уподоблений. Широко бытовало мнение, что японцы являются способными учениками европейцев. В 1896 г. в Санкт-Петербурге открылась первая в России выставка японского искусства из коллекции морского офицера С.Н. Китаева. Она произвела большое впечатление на публику, а один из критиков отметил «замечательно женственный вкус» японских художников и их «детскую гениальность» [Азадовский, Дьяконова 2017, 70–71]. Он имел в виду непосредственность, тонкость и живость восприятия, но одновременно в такой оценке заключена и констатация недостаточной «мужественности», а также признание того, что японцы являются недорослями, которым еще только предстоит стать людьми «настоящими», взрослыми.

Русские наблюдатели мыслили в полном соответствии с научно-расистскими представлениями своего времени – одной из многочисленных версий теории «прогресса». Еще в середине XIX в. французский врач и эмбриолог Этьенн Серре (1786–1868) выдвинул получившую широкое признание теорию, согласно которой развитие рас проходит те же этапы, что и развитие человека. Белая раса уже прошла детскую и подростковую стадии, а все другие расы и относящиеся к ним «примитивные» народы по своим умственным, психологическим и эмоциональным характеристикам находятся в возрасте младенцев, детей,

подростков. Серре не писал о японцах специально, но множество западных экспертов – сознательно или бессознательно – находили подтверждения этой теории с точки зрения физического и интеллектуального развития японцев.

Помимо «детскости» или «подростковости», другой чертой, приписываемой японцам, была «женственность». Меньший по сравнению с европейцами рост, гладкая кожа с редким волосяным покровом, обычай брить бороду, прическа с косичкой (*тёнмагэ*), малое количество морщин, тихий голос, свободная одежда заставляли воспринимать японских мужчин как недостаточно «мужественных». Аттестация И.А. Гончарова, посетившего Японию в 1853–1854 гг., может считаться типической: «Вообще не видно почти ни одной мужественной, энергической физиономии, хотя умных и лукавых много. Да если и есть, так зачесанная кверху коса и гладко выбритое лицо делают их непохожими на мужчин» [Гончаров 1953, 9, 24]. Русский матрос вопрошал писателя: «Если б пришлось драться с ними [японцами]... неужели нам ружья дадут?» Гончаров отвечал положительно, но матрос оставался неколебим: «По лопарю [толстая веревка. – А. М.] бы довольно» [Гончаров 1953, 76]. В популярном российском справочнике 1904 г. со ссылкой на мнение полковника Н.Д. Богуславского говорится, что с европейской точки зрения «японец по своему сложению не мог бы считаться обладающим вполне необходимыми для военной службы физическими качествами» [Япония 1904, 27].

Европейцы почти никогда не характеризовали японское мужское тело как «сильное» и «мускулистое» (в самой Японии физически развитое тело среди элиты не считалось достоинством). И только тела рикш, находившихся в самом низу социальной иерархии, соответствовали европейским представлениям о телесной красоте. Вот как отзывалось о них российское справочное издание: «Почти совершенно обнаженные кули, превосходно сложенные, с мускулистыми крепкими бронзовыми телами, стоят возле своих “курума”, пролеток, и, держа шляпу в руках, вежливо, в самой утонченной форме, предлагают вам свои услуги, как только вы выйдете на улицу» [Япония 1904, 318].

Если отношение к облику японских мужчин характеризуется достаточно скептически, то отношение к японкам было самым положительным – довольно трудно встретить их отрицательную оценку. До определенного времени Япония воспринималась в значительной степени как страна «женская».

На обложке одной из ранних книг, посвященных Японии, помещено изображение японской девушки. Поскольку эта книга А.А. Пеликана, вышедшая в 1895 г., имеет заголовок «Прогрессирующая Япония», это девушка «передовая» – на ее голове красуется европейская шляпа. Символом же «отсталой» Японии выступает почти полностью обнаженный мужчина – простолюдин, сильно напоминающий какого-нибудь аборигена из «первобытного» племени.

Для обложки издания 1899 г. «Как живут японцы», предназначенного для широкого читателя, мы видим гравюру: образ сидящей японки служит своеобразной визитной карточкой Японии ко всему тому [Овчинникова (сост.) 1899]. Показательно также, что в разделе, посвященном системе образования, помещено изображение не мальчика, а девочки. В разделе об университетах не упоминается, что университетское образование доступно лишь юношам, отсутствует и изображение студента. Повышенное внимание к японской женщине видно и по другим изданиям. В другой ознакомительной книге представлена таблица характерных антропологических типов. Из восьми изображений шесть принадлежит японкам, и только два – японцам [Япония 1904].

Официальная (мужская!) Япония прилагала огромные усилия, чтобы избавиться от своей «женственности» и приобрести больше «мужских» черт, которые имели сильнейшую военную составляющую (телесной культуре Японии посвящена монография [Мещеряков 2014a]). Это заставило, в частности, императора Мэйдзи (на троне 1868–1912), от имени которого осуществлялись реформы, полностью изменить свой облик. Японские императоры изначально не имели никакого отношения к военному делу, но на официальном портрете император Мэйдзи предстал именно в облике военного: в мундире, с саблей, усами и бородой. Тем не менее, женская ипостась Японии являлась в России доминирующей.

При рассмотрении Японии как страны, которая предстала в глазах русских (и европейцев вообще) как «женская», следует иметь в виду следующее обстоятельство. В те времена непосредственными впечатлениями о Японии располагали и делились ими по преимуществу западные мужчины. Основной контингент русских в Японии составляли военные моряки, которые оказывались в Японии без семей. Вряд ли удивительно, что их взгляд на Японию был гендерно обусловлен. Многие из них оставались в Японии достаточно длительное время – в Нагасаки в то время

зимовали и ремонтировались корабли российского тихоокеанского флота. Такая ситуация могла приводить к созданию более-менее долговременных союзов. При этом внимательный наблюдатель отмечал прекрасные душевные качества японок, которые он обнаруживал даже у «временных жен» русских моряков. «Я не скажу, чтобы с нашей точки зрения эти маленькие японские женщины были особенно красивы; но многие из них своим характером заставляли полюбить себя своих временных мужей и еще более любили их сами» [Краснов 1895, 69].

Говоря о восприятии Японии как страны «женской», следует сделать важную оговорку. Положительные характеристики ее «лучшей половины» адресовались прежде всего незамужним японкам. Это объясняется не только мужскими сексуальными аппетитами, но и тем, что внешность замужних японок обладала рядом «отталкивающих» черт: они чернили зубы и выщипывали брови. Одевались неброско, украшений не носили. Поэтому привлекательный женский образ Японии – это образ прежде всего девичий. Наилучшим образом ему отвечали гейши, т.е. женщины незамужние, которые производили на иностранных мужчин большое впечатление.

Книга 1899 г. «Как живут японцы» написана в целом с благожелательных по отношению к японцам позиций. «Японец обладает веселым и спокойным нравом; он умеет во всяком деле увидеть хорошую и приятную сторону. Как бы тяжела ни была его работа, он берется за нее с бодростью, в веселом расположении духа, и эта бодрость помогает ему быстро и успешно кончить труд. Вот почему так быстро распространилось в Японии новое просвещение. Все нововведения императора встретили дружную поддержку среди народа. Все принялись за дело, никто не испугался новых обязанностей. Несмотря на то, что большинство японского народа живет бедно и довольствуется малым достатком, простой народ всегда весел и приветлив, рад пошутить и посмеяться, чтобы скоротать время за работою, рад и празднику, когда можно вдоволь повеселиться. Бодрость, веселое расположение духа и склонность к шутке – вот главные душевные черты каждого японца» [Овчинникова (сост.) 1899, 121]. В книге последовательно проводится мысль, что японцы способны успешно учиться у Запада, что, помимо воли автора, ставит Японию и Запад в заведомо неравное положение. Идея, что и Западу есть чему поучиться у Японии, полностью отсутствует.

Пожалуй, среди всех японских реалий наиболее отрицательных оценок в этой книге удостоиваются самураи и их историческая роль. «Князья управляли областями, имели землю, а также и своих вассалов, или людей подчиненных. Эти люди назывались самураями. Самураи были очень воинственны. Их главное занятие была война. К ремеслам и торговле самураи относились с презрением. Только немногие из них занимались наукой» [Овчинникова (сост.) 1899, 34]. Эта оценка была насколько-то справедлива для XVI в., однако в эпоху сёгуната Токугава (1603–1867) ясно виден вектор превращения самураев в чиновников и интеллектуалов. Если кто и занимался в традиционной Японии «наукой», то это были именно они.

Помимо собственно «самурая», мы встречаем такие его обозначения, как «воин», «двумечник». Они предстают как члены свиты князей-даймё и характеризуются исключительно отрицательно. «Воины этой свиты были кровожадные люди. Случалось, что они убивали человека затем, чтобы только видеть пролитую кровь. Это доставляло им удовольствие. Нужно ли говорить, как плохо приходилось простому народу от этих воинов». «Обычай носить два меча завелся в шестнадцатом столетии. Некоторые господа позволяли носить два меча своим слугам. Слуги пользовались этим правом и всеми выгодами его. Некоторые становились очень гордыми, требовательными к другим, и много зла терпел от них простой народ» [Овчинникова (сост.) 1899, 31–32].

Для понимания отрицательной характеристики самураев в России следует вспомнить, что оценки сёгуната и самураев в Японии первой половины периода Мэйдзи тоже были далеко не однозначными. Официальная идеология осуждала сёгунаты за узурпацию императорской власти, самураи выступали как синоним жестокости, косности и отсутствия лояльности по отношению к императору. В указе Мэйдзи «Высочайшее распоряжение к военнослужащим сухопутных войск и военно-морского флота» (4 января 1882 г.) историческая роль самураев оценивалась исключительно отрицательно: они на целых семь веков узурпировали власть в стране, что привело Японию к катастрофическому отставанию от Запада.

В современной Японии наибольшее раздражение автора книги «Как живут японцы» тоже вызывает военный элемент. «Устроили японцы свое войско, настроили кораблей и перестали быть таким мирным народом, каким были прежде... Перенимает она,

с одной стороны, у европейцев хорошее, что у них есть: лучшее государственное устройство, науку, разное полезное производство, ремесла и изобретения; с другой стороны, Япония переняла у европейцев и худое – страсть к завоеваниям, усиленную военщиной» [Овчинникова (сост.) 1899, 147].

Отношение к самурайству как к исключительно «реакционному» элементу начинает меняться в России в начале XX в. В 1902 г. во Владивостоке вышла небольшая книга Л. Богословского «К вопросу о характеристике японцев. Этические основы жизни благородного сословия в Японии». Она представляет собой, в том числе, и достаточно полное изложение опубликованной в 1900 г. по-английски книги Нитобэ Инадзо «Bushidō. The Soul of Japan». Эта книга была переведена на множество языков. Хотя книга Нитобэ полна фактических ошибок и несуразностей и в самой Японии ее ждал не самый любезный прием, именно по этой брошюре западные читатели составляли свое представление о самурайстве, трактуемом автором как аналог европейского рыцарства [Benesch 2014, 90–96].

Книга Л. Богословского – наиболее полное систематическое изложение на русском языке комплекса идей, которые стали связываться в западном сознании с бусидо. Сам автор, служивший какое-то время в Русско-китайском банке в Нагасаки, в кратком вступлении к книге чрезвычайно высоко оценил значимость культуры самураев для современной Японии: «Из личных моих наблюдений я вынес убеждение, что воин, рыцарь, является для японца самым дорогим и высоким идеалом, в котором нашло себе выражение все лучшее в японской нации. В лучших лавках, где продаются японские антикварные вещи, вам предлагают вооружение и одежду рыцаря-самурая, а в домах богатых европейцев, давно живущих в Японии и кое-что знающих о Японии, мечи, копья и брони составляют неперенное украшение их кабинетов. На базаре вы можете видеть картинки по преимуществу военного характера, представляющие главным образом сражения или то или иное затруднительное положение воина-самурая. Если вы попросите японца рассказать вам что-либо из прошлого Японии, то он непременно будет говорить вам о том или другом великом даймё, который вел войну с соседним даймё и вышел из нее блестящим победителем» [Богословский 1902, 2].

Через три года после пересказа Л. Богословского появляется и полный перевод книги Нитобэ Инадзо [Нитобэ 1905].

Положительные и более сбалансированные оценки самурайства начинают проникать в литературу, предназначенную для массового читателя. Авторы обращают внимание не только на растиражированный в массовом сознании обычай харакири, но и на мирный (созидательный) аспект деятельности сословия самураев. «Громадную роль в истории Японии сыграла одна черта, присущая всему японскому народу, но проявившаяся, главным образом, в самураях. Это – страстная жажда знания... Такой высоко-интеллигентный общественный класс, весь сотканный из честолюбия, вечно обуреваемый стремлением самим стать и свой народ поставить впереди всех в мире, получил бы руководящее значение в стране, даже если бы он составлял малочисленный слой населения. А самураи в Японии многочисленны». Все это позволяет автору назвать самураев «душою японского прогресса» [Япония 1904, 135, 133]. Таким образом, ко времени начала русско-японской войны оценки мужской (самурайской) составляющей японской культуры претерпевают существенные изменения в положительную сторону.

Русско-японская война

Русско-японская война явилась чрезвычайно важным фактором в деле переосмысления Японии в России. Во время войны на первый план выходит мужская составляющая образа Японии. Япония стала «врагом», ее изображали в виде отвратительного дракона, врага христолюбивой России. Во время войны получила широкую известность песня «Варяг», в которой, в частности, пелось:

Из гавани гордо мы в битву идем
Навстречу грозящей нам смерти,
За Веру, Царя и Отчизну умрем,
Держись, желтолицые черти!

История создания и бытования этой песни представлена в книге [Куланов, Молодяков 2007, 105–108]. «Народные картинки» (аналог лубка), карикатуры в прессе и на открытках на разные лады производили операцию по дегуманизации японцев, представляя их то в виде отвратительных монстров, то в виде слабых, хилых и истеричных созданий [Mikhailova 2008]. Правда, следует оговориться, что при изображении японцев мы видим исключительно людей в военной форме. Но это – не мужественные воины,

а «горе-вояки», крошечные люди, которым не под силу справиться с могучими русскими солдатами и казаками.

В дискурсе того времени японцы могли представлять и как «желтолицый, косоглазый и коварный враг» [Куприн 1958, 210]. Именовали их и «макаками», в чем ясно видна расистская составляющая. Придание противнику зооморфных черт было «нормальной» практикой тех лет – японцев изображали в виде отвратительного бульдога или пятящихся (отступающих) раков. Это была не только российская особенность, западные карикатуристы зачастую изображали японцев сходным образом [Голиков, Рыбаченок 2015]. Унизительные характеристики приписывались в России не только японцам, но и всем другим «врагам». Во время Первой мировой войны «враг» русских мог персонифицироваться в драконе, которого повергает Георгий Победоносец, или же отвратительном псе, символизирующем Германию. «Нормальным» было и изображение немцев, австрийцев и турок в виде недорослей. Японские художники также активно участвовали в процессе «зооморфизации» противника. В японских карикатурах времен русско-японской войны русские часто предстают в обличье медведя. Таким образом, дегуманизация противника с помощью приписывания ему малого роста, монструозного и зооморфного облика была универсальным явлением: при изображении любого «врага» использовались сходные приемы, и подчеркивание расовой инаковости было лишь одним из них.

Обычно исследователи обращают внимание на карикатурный образ японцев во время русско-японской войны. Однако следует иметь в виду, что дело этим не ограничивается. Существовали и изображения, где японские военные представлены вполне «человеческим» образом, хотя, разумеется, там подчеркивался героизм русского солдата. В любом случае, однако, во время русско-японской войны японские мужчины (военные) не воспринимались как современное воплощение самураев и самурайского духа. Сами японцы тоже позиционировали себя в это время прежде всего как «цивилизованных» на западный манер людей.

После окончания войны отрицательный образ Японии довольно быстро исчезает из публичного пространства. Российская пропаганда военного времени была направлена почти исключительно против японских военных, но не против японцев как таковых и не против их обычаев. Этому способствовало и то обстоятельство, что боевые действия происходили не на территории России или

Японии, а на территориях, населенных другими народами, или на море. Таким образом, эта война представляла собой непосредственное столкновение двух армий, а не двух народов. Кроме того, следует иметь в виду, что после окончания русско-японской войны отношения между двумя странами резко улучшаются, а во время Первой мировой войны они выступают союзниками. Недавнее поражение не ухудшило отношения к японцам и их культуре. Россия отдала дань и художественному течению японизма, и увлечению борьбой дзюдо (дзюдзюцу) [Куланов 2017]. Кончина императора Мэйдзи в 1912 г. сопровождалась самыми сочувственными некрологами и превознесением его заслуг в деле «модернизации» Японии.

После военного поражения в России зарождается серьезное научное японоведение, на Японию начинают смотреть как на страну, заслуживающую серьезного внимания. Теперь японские реалии начинают попадать в словари. В 1910 г. вышло расширенное издание составленного А.Н. Чудиновым «Словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка». В первом издании 1894 г. японских терминов в словаре не содержалось, теперь они появляются. Отдавая дань «женской» составляющей образа Японии, автор приводит слово «мусме» (мусумэ): «Молоденькие девушки, прислужницы в Японии». В словарной статье «гейши» сообщалось: «Своеобразный класс молодых девушек от 16 до 20 лет, в Японии, отличающихся миловидностью, грацией и веселостью. Они получают особое воспитание, по окончании которого поступают в чайные домики, причем к обязанности их относится забавлять и развлекать гостей беседами, декламацией, пением и музыкой, при этом они не теряют женского достоинства и отличаются неизменной скромностью. Гейш признают самыми образованными в Японии женщинами и на них охотно женятся». Относительно самураев лапидарно говорилось: «Японские вассалы, зависевшие от крупных феодальных владельцев». Харакири – «японский обычай, по которому приговоренные к казни, а также удрученные безысходным горем или отчаянием лишали себя жизни, вспарывая живот».

В то же самое время следует иметь в виду ограниченную пространственность и узнаваемость понятий, связанных с самурайством. В словаре А.Н. Чудинова есть термины «самурай» и «харакири», но такое основополагающее понятие как «бусидо» («путь воина») отсутствует. Однако в специализированной «Военной энциклопедии» издательства Сытина в V томе, вышедшем

в 1911 г., помещена статья «Бусидо». Там, в частности, сообщалось: «Высший военный класс дореформенной Японии, самураи, приобрел значение в стране благодаря мужеству, нравственной крепости своего состава и тем, что стал примером для народа своим поведением и строгой моралью». Далее утверждалось: «В основу бусидо положено понятие мужества, не в узком смысле этого слова, а в самом широком, то есть как совокупность всех истинно мужских добродетелей, подобно тому, как древнеримская *virtus* обозначает одновременно мужество и добродетель. Для японца “быть мужественным” и “быть добродетельным” – равнозначные понятия. Исходя из этого, бусидо требует от своих последователей прежде всего самообладания (как и древнеримские стоики), т.е. сохранения духовного равновесия и внешнего спокойствия во всех положениях жизни в мирное и военное время, присутствия духа в опасности, духовной упругости в несчастьи и неудачах».

Таким образом, понятия «самурай» и «бусидо» обростали положительными коннотациями, самураи выступали как моральный образец для подражания, об их жестокости и кровожадности не сообщалось.

В то же самое время взгляд на Японию как на страну женской красоты и прелести демонстрировал живучесть. Константин Бальмонт, побывавший в Японии в 1916 г., писал: «Я так очарован Японией и японцами, вернее, японками, что хотел бы пробыть здесь год» [цит. по: Азадовский, Дьяконова 1991, 76]. Бальмонт оставил восторженные (как поэтические, так и прозаические) отзывы о японках. «Так много во всех японках кошачьей мягкости и грации птичек... Привыкнув в несколько часов к косвенному уклону японских глаз, я уже вижу в этом особую волнующую красоту, которой раньше не подозревал. И разрез европейских глаз кажется мне скучным и прозаическим... Гейша умеет, танцуя, показать неуловимым движением руки, что она прядет нить или срывает цветок или ловит рыбок. Такой выразительности изящных рук я не видел нигде».

В стихах Бальмонт заходил намного дальше [цит. по: Азадовский, Дьяконова 1991, 90, 148–149]:

Гейши, девочки, малютки,
вы четырнадцать лет,
Ваши маленькие грудки
Нежнорозовый расцвет.

...
Ах, зачем, когда я с вами
Праздник знал, который ал,
Ах, зачем я вас, как в храме,
Всех, вас всех не целовал.

После революции 1917 года

После Октябрьской революции 1917 г. образ Японии во все большей степени формировался под воздействием советской идеологии. Следует при этом помнить, что образа «японца» как такового не существовало. Марксисты были привержены классовому подходу, для них первичным было не существование «японца», а противоборство «буржуазии» и «пролетариев», т.е. японцев «хороших» и японцев «плохих». В первые годы существования советской власти коммунисты вообще считали «национальное» «буржуазным предрассудком». Понятие «национальной культуры» их не интересовало, теория социально-экономических формаций, которой они придерживались, делала упор на всеобщие закономерности исторического процесса, в котором региональное своеобразие не играет существенной роли. Советские марксисты были уверены, что все общества «обречены» пройти один и тот же путь – от первобытно-общинного строя до коммунизма.

В изданиях 1920-х гг. немало места отводится обличению японского милитаризма (не будем забывать о японской интервенции на Дальнем Востоке), но он преподносится как продукт капиталистических отношений, не имеющий корней в национальной истории и культуре. Показательно, что в книге, посвященной японскому империализму и милитаризму, практически не встречаются японские слова и антропонимы [Виленский-Сибиряков 1925]. Не встречаются потому, что они не важны для понимания всеобщих исторических закономерностей. Официальным лозунгом был «пролетарский интернационализм», подразумевавший, что у японского и советского пролетария общего больше, чем у японских пролетария и капиталиста. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был одним из самых распространенных. Таким образом, в одной стране существовало как бы два разных народа – эксплуататоры и эксплуатируемые. В связи с этим эксплуатируемых натравливали на эксплуататоров, что выражалось во всемерной поддержке коммунистов Японии, осуществлявшейся в рамках Коминтерна. Метафора «борьбы», которая определяла советский идеологический модус [Мещеряков 1991; Мещеряков

1992], способствовала общей маскулинизации дискурса и исключению из него женского пола. Пролетарии и капиталисты были существами мужского пола.

Начиная с конца 1933 г. в СССР усиливается антияпонская пропаганда и на первый план решительно и однозначно выходит милитаристская составляющая образа Японии. 21 октября 1933 г. Сталин писал Кагановичу и Молотову: «По-моему, пора начать широкую, осмысленную (не крикливую!) подготовку и обработку общественного мнения СССР и всех других стран насчет Японии и вообще против милитаристов Японии. Надо развернуть это дело в “Правде”, отчасти в “Известиях”. Надо использовать также ГИЗ и другие издательства для издания соответствующих брошюр, книг... Понятно, что *выпукло надо выставить* отрицательные, империалистические, захватнические милитаристские стороны» [Сталин, Каганович 2001, 396]. Гнев Сталина был связан как с конфликтной ситуацией на КВЖД, так и с начавшимся сближением Японии с нацистской Германией, которая справедливо воспринималась в СССР как основная угроза [Куланов, Молодяков 2007, 201–224]. Обличительная (пейоративная) риторика по отношению к Японии стала приобретать невиданный доселе накал. Так, на XVII съезде ВКП(б), проходившем с 26 января по 10 февраля 1934 г. Ворошилов заявил: «Свиное рыло японского империализма, просунутое на наш Дальневосточный советский огород, будет ущемлено очень больно и очень основательно» [Ложкина 2008, 112]. Таким образом, конец 1933 г. и 1934 г. следует считать началом массированной антияпонской компании в СССР, которая продолжалась вплоть до 1941 г., когда был заключен пакт о нейтралитете.

И в Германии, и в Японии процветал национализм, что давало возможность для их критики со стороны советской идеологии, исповедовавшей интернационализм (правда, с определением «пролетарский»). Именно начиная с этого времени понятие «самурай» по-настоящему входит в арсенал советской пропаганды. При этом остается непонятным, кто конкретно был автором идеи использования термина «самурай» в качестве ругательного.

В 1934 г. Б. Ефимов публикует карикатуру «Расовое сродство appetitov» [Голубев 2018, 130] с изображением плюгавенького самурая в средневековой амуниции (доспехи, меч), к которой прилагаются каска и очки. Рядом с ним высится фигура фашиста в двурогом шлеме-каска. Оба воина держат в руках пики, на ко-

торые нанизаны карты Азии (у японца) и Европы (у немца), что должно свидетельствовать об экспансионистских устремлениях. Это уникальное изображение, поскольку на нем действительно представлено некое подобие самурая. В дальнейшем же тот, кого именовали «самураем», обычно изображался в современной военной форме. В руки ему давали меч (японским офицерам была положена сабля), надевали очки. Форма «самурая» была всегда офицерской – солдаты считались объектом обмана со стороны «реакционного» офицерства. «Самурай» выглядел достаточно морщинистым и пожилым человеком, что подчеркивало его принадлежность к уходящему веку, обреченность, близость гибели.

Советских идеологов не интересовала красота или мягкость обхождения японской женщины. Наряду с детьми, японские женщины преподносились как объект эксплуатации со стороны капиталистов, и их положение сравнивали с положением «колонизаторских рабынь». Также подчеркивалось тяжелое положение молодежи, которая находилась в «лапах военщины», а заклятыми врагами молодого поколения назывались самураи [Борисов 1934; Борисов 1936]. образу Японии в СССР в 1930-е гг. посвящена диссертация А.С. Ложкиной «Образ Японии в советском общественном сознании: 1931–1939» (2009), откуда мы почерпнули вышеприведенные примеры. Женский образ Японии продолжал эксплуатироваться и в послевоенной пропаганде – как существа, пострадавшего во время атомных бомбардировок, и страны, зависимой от США [Омори 2018].

Б. Пильняк, побывавший в Японии в 1926 г., в «Корнях японского солнца» пропел настоящую оду проституткам, гейшам, японской женщине вообще. Публичные дома Токио и их обитательницы манерами, воспитанностью и внешностью привели писателя в полный восторг. Что до идеального типажа японской красавицы, то он представлялся ему так: «Тогда, в тот рассвет, я смотрел на эту женщину, одетую в кимоно, перепоясанную оби [широкий пояс. – А. М.], с рудиментами бабочки на спине, обутую в деревянные скамеечки, – и тогда мне стало ясно, что тысячелетия мира мужской культуры совершенно перевоспитали женщину, не только психологически и в быте, но даже антропологически: даже антропологически тип японской женщины весь в мягкости, в покорности, в красивости, – в медленных движениях и застенчивости, – этот тип женщины, похожей на мотылек красками, на кролика движениями» [Пильняк 2004, 45].

Книга Пильняка была воспринята в СССР крайне неоднозначно. В напечатанной в газете «Правда» разгромной рецензии Олег Плетнер пришел к выводу, что книга играет «на руку японскому империализму». Чрезвычайно показательно, что большая часть рецензии посвящена обличению тех пассажей, которые посвящены японской женщине [Пильняк 2004, 267–269]. Смысл претензий можно свести к следующему: автор воспринял Японию как страну женщин, а следовало воспринимать ее как страну мужчин – страну капиталистов, военных и пролетариев. Прodelав «работу над ошибками» во второй своей «японской» книге – «Камни и корни» (1934), Пильняк уже не пишет об очаровательных японках, но делает упор на их бесправном положении. «В текстиле [текстильной промышленности. – А. М.], как и в публичных домах, работают женщины, купленные туда за бесценок по феодальному праву, когда женщина не принадлежит себе и принадлежит старшему в роде мужчине» [Пильняк 1934, 66]. Таким образом, Япония предстает как страна мужчин-эксплуататоров и бесправных женщин.

В «Корнях японского солнца» с почтением говорится о «самурайской чести, которая указывала не иметь денег, быть преданным и доблестным, не бояться смерти и не иметь потребностей», что, безусловно, до определенной степени соответствовало человеческим идеалам революционных романтиков. Однако в «Камнях и корнях» автор решительно меняет тон: «Бусидо – это этика и эстетика самураев, требовавшая беспрекословного послушания и презрения к смерти. Харакири – один из параграфов Бусидо. Харакири по существу своему, есть символ бесправия, этот ассортимент вспарывания живота вдогонку за сюзереном... при поражении в бою... при компрометантном поступке... Что может быть рабственнее?» [Пильняк 1934, 72]. Не совсем понятен неологизм Пильняка «самурайничать» [Пильняк 1934, 141]. То ли это значит «поклоняться самурайским традициям», то ли – «бесчинствовать», «хулиганить». Однако в любом случае он явно имеет отрицательную окрашенность. В своем обличительном отношении к самураям и бусидо Пильняк пошел вслед за советской пропагандистской машиной, которая значительно активизировала анти-японскую (антисамурайскую) направленность именно в 1934 г., когда «самурай» становится бранным словом. Для этого, безусловно, существовали определенные основания, ибо тоталитарная Япония этого времени черпала примеры идеального мужчины (воина) именно в самурайском прошлом, интерпретированном

(обычно ложно) на современный лад. Культуре тоталитарной Японии посвящена монография [Мещеряков 2009].

Главным сатирическим журналом в СССР был «Крокодил», который значительное внимание уделял карикатуре, затрагивающей внешнеполитическую обстановку. Подсчет стран, которые становились объектами изображения карикатуристов, показал следующее. За период с 1922 по 1941 гг. первое место принадлежит Германии (более 550 карикатур, свыше 30% всего массива), на втором месте идет Великобритания (свыше 300, чуть меньше 20%), на третьем – Франция (более 250, примерно 15%), на четвертом – Польша (170), на пятом – США (166), на шестом – Япония (160), далее – Италия (130) и Китай (100). Эти страны были основными объектами советской карикатуры. После Китая с большим отрывом следует Финляндия (30) [Голубев 2018, 30].

Таким образом, Япония занимала значительное, но не самое важное место среди «врагов». Основная часть карикатурного материала по Японии приходится на вторую половину 1930-х гг., когда был заключен антикоминтерновский пакт, произошли прямые военные столкновения на озере Хасан и на Халкин-Голе. Слово «самурай» в советском обличительном дискурсе этого времени стало чрезвычайно распространенным. В карикатуре, кино, стихах и песнях оно являлось эквивалентом агрессивного, но ничтожного вояки. Интересно, что если другие «вражеские» страны (например, Германия) бывали представлены и в женском образе [Голубев 2018, 43], то Япония – никогда.

Приведем несколько популярных песенных текстов, в которых фигурируют «самурай».

Вы не суйтесь, самурай,
С красным войском воевать.
Никогда в советском krae
Самурая не бывать!

(Слова А. Жарова, музыка В. Мурадели, 1938)

Самурай, не жди пощады,
Ждет тебя суровый суд –
Наши пули и снаряды
Смерть захватчикам несут!

*(«Бой у озера Хасан», слова С. Алымова,
музыка А. Александрова, 1939)*

Мчались танки, ветер подымая,
Наступала грозная броня.
И летели наземь самураи,
Под напором стали и огня.

*(«Три танкиста», слова Б. Ласкина,
музыка братьев Покрасс, 1939)*

Джаз-оркестр под управлением Цфасмана в 1939 г. распевал сатирическую песенку «Все хорошо!» про события у озера Хан-сан, в которой горе-войка майор Тоги теряет коня и собственную ногу:

...нам жаль майора Тоги,
Он так любил кричать «банзай»...
В итоге Тоги – теперь безногий,
Как будет жить мой самурай?

Отрицательный образ Японии во второй половине 1930-х гг. следует рассматривать в широком контексте. Олицетворением враждебной Японии выступал карикатурный образ самурая. Одним из олицетворений враждебной Германии стали «псы-рыцари», тевтонцы, разгромленные Александром Невским. Фигура Александра Невского интерпретируется по-разному, но невозможно отрицать, что одноименный фильм сыграл огромную роль в советской пропаганде. Противостоящие ему тевтонцы (немцы) в лице «псов-рыцарей» стали одним из символов агрессивной Германии. Таким образом, при конструировании немецкого и японского образов «врага» были использованы средневековые реминисценции, которые имели к реальности весьма опосредованное отношение. Советская пропаганда стандартно рисовала «самураев» нарушителями границы, хотя «настоящие» самураи (по крайней мере, в XVII–XIX вв.) жили в законодательно закрытой стране и никогда не пересекали ее пределов.

На этом фоне, когда пропаганда позиционировала Японию через мужской образ агрессивного (хотя и бессильного) военного человека (самурая), чрезвычайно любопытно выглядит научно-просветительская деятельность группы советских японоведов, занимавшихся японской литературой. Их интересовала прежде всего литература эпохи Хэйан (IX–XII вв.), так называемая «литература женского потока», которая представляет собой женский взгляд на мир – мир любви и любования природой. Не выступая

в открытую против власти, эти японоведы все равно придерживались совсем другой установки – установки на выявление «женского» в японской культуре. Правда, очень многие из них не избежали во второй половине 1930-х гг. репрессий как «японские шпионы» [Мещеряков 2018] – отчасти потому, что выявляли (и превозносили) «женскую» Японию, которая подлежала забвению и отторжению.

Создание положительного образа Японии в 60–70 гг. XX в. [Мещеряков 2014б] сопровождалось реабилитацией его мужской составляющей (воинские искусства, самураи). Однако бытование образа самурая в позднем СССР и современной России требует специальных изысканий.

Выводы

Ранние отзывы о японцах в отечественной литературе (начиная с середины XIX в.) рисуют образ «немужественного» народа, оценки мужчин обычно пренебрежительные, тогда как красота женщин удостоивается постоянных похвал. В этой картине положительные качества жителей Японии – готовность учиться, терпение, покорность; «жестокие» и «отсталые» воины, самураи, выглядят на фоне остальных соотечественников как исключение, которому в скором времени предстоит сойти с исторической сцены. Положение меняется с публикацией в России текстов Нитобэ Инадзо, где самурайский кодекс поведения приравнен к «душе Японии». В пору Русско-японской войны на фоне пропагандистской дегуманизации противника (японских военных) отношение к японцам в целом становится более уважительным, самураи прежних времен порой выглядят даже как образцы для подражания. Ранняя советская пропаганда отождествляет с «самураями» японских агрессоров, положительный «женский» образ Японии оказывается не востребованным. Этой установке противостоят работы советских японоведов, где в центре внимания оказывается «женская» составляющая традиционной японской культуры.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Азадовский, Дьяконова 2017 – Азадовский К.М., Дьяконова Е.М. Бальмонт и Япония. 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Нестор-История, 2017.

Богословский 1902 – Богословский Л. К вопросу о характеристике японцев. Этические основы жизни благородного сословия в Японии. – Владивосток: Дальний Восток, 1902.

Борисов 1934 – *Борисов А.* Военно-идеологическая обработка молодежи в Японии // Тихий океан. 1934. № 1. С. 184–189.

Борисов 1936 – *Борисов А.* Как японские империалисты готовят молодежь к войне // Ответы на вопросы молодежи. 1936. № 4. С. 9–14.

Виленский-Сибиряков 1925 – *Виленский-Сибиряков В.* Японский империализм. – Л.: Прибой, 1925.

Голиков, Рыбаченок 2015 – *Голиков А.Г., Рыбаченок И.С.* Политика в зеркале сатиры. Русско-японская война в политической карикатуре // Родина. 2015. № 8. С. 110–115. – URL: <https://rg.ru/2015/08/17/rodina-satira.html>

Голубев 2018 – *Голубев А.В.* «Подлинный лик заграницы»: образ внешнего мира в советской политической карикатуре 1922–1941 гг. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.

Гончаров 1953 – *Гончаров И.А.* Собр. соч. В 8 т. Т. 3. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953.

Краснов 1895 – *Краснов А.Н.* По странам Далекого Востока. – СПб, 1895.

Куланов 2017 – *Куланов А.Е.* Ощепков. – М.: Молодая гвардия, 2017.

Куланов, Молодяков 2007 – *Куланов А.Е., Молодяков В.Э.* Россия и Япония: имиджевые войны. – М.: Астрель, 2007.

Куприн 1958 – *Куприн А.И.* Штабс-капитан Рыбников // *Куприн А.И.* Собр. соч. В 6 т. Т. 4. – М.: Художественная литература, 1958. С. 5–45.

Ложкина 2008 – *Ложкина А.С.* Япония в представлениях советского военного руководства 30-х гг. XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История. Политология». 2008. № 4/5. С. 111–115.

Мещеряков 1991 – *Мещеряков А.Н.* Читая старые «Огоньки» // Знание – сила. 1991. № 8. С. 64–72.

Мещеряков 1992 – *Мещеряков А.Н.* Homo Sovieticus: покорение пространства и времени // Угол зрения. Отечественные востоковеды о своей стране. – М.: Наука, 1992. С. 159–181.

Мещеряков 2006 – *Мещеряков А.Н.* Император Мэйдзи и его Япония. – М.: Наталис; Рипол классик, 2006.

Мещеряков 2009 – *Мещеряков А.Н.* Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. – М.: Наталис, 2009.

Мещеряков 2014а – *Мещеряков А.Н.* Стать японцем. – М.: ЭКСМО, 2014.

Мещеряков 2014б – *Мещеряков А.Н.* Страна для внутренней эмиграции: образ Японии в позднесоветской картине мира // Отечественные записки. 2014. № 3. С. 45–55.

Мещеряков 2018 – *Мещеряков А.Н.* Восприятие хэйанской литературы в СССР и России // Шаги/Steps. 2018. № 1. С. 116–133.

Нитобэ 1905 – *Нитобэ Иназо.* Буши-дô: (Душа Японии): Мысли, собранные японским ученым Иназо Нитобэ / пер. с подлинника [и предисл.] А. Салмановой. – М.: типо-лит. Г.И. Простакова, 1905.

Овчинникова (сост.) 1899 – Как живут японцы / сост. В. Овчинникова. – М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1899.

Омори 2018 – *Омори Масако*. Образ Японии в сатирическом журнале «Крокодил» в период холодной войны // История и культура Японии 11. – СПб.: Гиперион, 2018. С. 351–359 (Orientalia et Classica. Труды Института классического Востока и античности ВШЭ. Выпуск I (LXXI)).

Пильняк 1934 – *Пильняк Б.* Камни и корни. – М.: Советская литература, 1934.

Пильняк 2004 – *Пильняк Б.* Корни японского солнца. Дани Савелли. Борис Пильняк в Японии. – М.: Три квадрата, 2004.

Сталин, Каганович 2001 – Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 / сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева и др. – М.: РОССПЭН, 2001.

Япония 1904 – Япония и ее обитатели. – СПб: Брокгауз–Ефрон, 1904.

Benesch 2014 – *Benesch O.* Inventing the Way of the Samurai. Nationalism, Internationalism, and Bushidō in Modern Japan. – Oxford: Oxford University Press, 2014.

Mikhailova 2008 – *Mikhailova Yu.* Japan's Place in Russian and Soviet National Identity: From Port Arthur to Khalkin-Gol // Japan and Russia. Three Centuries of Mutual Images. Ed. by Yulia Mikhailova and M. William Steele. – Folkestone: Global Oriental, 2008.

REFERENCES

Azadovsky K.M., Dyakonova E.M. (2017) *Balmont and Japan*. 2nd edition. Saint Petersburg: Nestor-History (in Russian).

Benesch O. (2014) *Inventing the Way of the Samurai. Nationalism, Internationalism, and Bushidō in Modern Japan*. Oxford: Oxford University Press (in Russian).

Bogoslovsky L. (1902) *On the Question of the Characteristics of the Japanese. The Ethical Foundations of a Noble Life in Japan*. Vladivostok: Dal'nii Vostok (in Russian).

Borisov A. (1934) Military-ideological Treatment of Young People in Japan. *Tikhii Okean*. 1934. No. 1, pp. 184–189 (in Russian).

Borisov A. (1936) How the Japanese Imperialists Prepare Young People for War. *Otveti na voprosy molodezhi*. 1936. No. 4, pp. 9–14 (in Russian).

Golikov A.G., Rybachenok I.S. (2015) Politics in the Mirror of Satire. Russian-Japanese War in a Political Caricature. *Rodina*. 2015. No. 8, pp. 110–115 (in Russian).

Golubev A.V. (2018) “Genuine Face of Foreign Countries”: the Image of the Outside World in the Soviet Political Caricature of 1922–1941. Moscow & Saint Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ (in Russian).

Goncharov I.A. (1953) *Collected Works. In 8 Volumes*. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoye Izdatel'stvo Khudozhestvennoy Literatury (in Russian).

Khlevnyuk O.V. al. (Eds.) (2001) *Stalin and Kaganovich. Correspondence. 1931–1936*, Moscow: Russian Political Encyclopedia (in Russian).

Krasnov A.N. (1895) *In the Countries of the Far East*. Saint Petersburg (in Russian).

Kulanov A.E. (2017) *Oshchepkov*. Moscow: Molodaya gvardiya (in Russian).

Kulanov A.E., Molodyakov V.E. (Moscow) Russia and Japan: Image Wars. Moscow: Astrel (in Russian).

Kuprin A.I. (1958) Junior Captain Rybnikov. In: Kuprin A.I. *Works in 6 volumes*. Vol. 4 (pp. 4–45). Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).

Lozhkina A.S. (2008) Japan in the Views of the Soviet Military Leadership in the 1930s. *Proceedings of the Altai State University. Series "History. Political Science"*. 2008. No. 4/5, pp. 111–115 (in Russian).

Meshcheryakov A.N. (1991) Reading the Old "Ogonek". *Znaniye – sila*. 1991. No. 8, pp. 64–72 (in Russian).

Meshcheryakov A.N. (1992) Homo Sovieticus: the Conquest of Space and Time. *Angle of View. Russian Orientalists about Their Country*. Moscow: Nauka, pp. 159–181 (in Russian).

Meshcheryakov A.N. (2006) *Meiji Emperor and His Japan*. Moscow: Natalis; Ripol Klassik, (in Russian).

Meshcheryakov A.N. (2009) *To be Japanese. History, Poetics and Scenography of Japanese Totalitarianism*. Moscow: Natalis (in Russian).

Meshcheryakov A.N. (2014) A Country for Internal Emigration: The Image of Japan in the Late Soviet World View. *Otechestvennyye zapiski*. 2014. No. 3, pp. 45–55 (in Russian).

Meshcheryakov A.N. (2014) *To Become a Japanese*. Moscow: EKSMO, (in Russian).

Meshcheryakov A.N. (2018) Perception of Heian Era Japanese Literature in the USSR and Russia. *Shagi / Steps*. 2018. Vol. 4 (1), pp. 116–133 (in Russian).

Mikhailova Yu. (2008) Japan's Place in Russian and Soviet National Identity: From Port Arthur to Khalkin-Gol. In: Mikhailova Yu., Steele M.W. (eds.) *Japan and Russia. Three Centuries of Mutual Images*. Folkestone: Global Oriental (in Russian).

N. ed. (1904) *Japan and its inhabitants*. Saint Petersburg: Brockhaus – Efron (in Russian).

Nitobe I. (1905) *Bushidō, the Soul of Japan* (Russian Translation by A. Salmanova. Moscow: G.I. Prostakov).

Omori M. (2018) The Image of Japan in the Satirical Journal Crocodile during the Cold War. *History and Culture of Japan II*. Saint Petersburg: Hyperion, pp. 351–359 (in Russian).

Ovchinnikova V. (Ed.) (1899) *How the Japanese Live*. Moscow: I.D. Sytin (in Russian).

Pil'nyak B. (1934) *Stones and Roots*. Moscow: Sovetskaya Literatura (in Russian).

Pil'nyak B. (2004) The Roots of the Japanese Sun. In: Dani Savelli. *Boris Pil'nyak in Japan*. Moscow: Tri kvadrata (in Russian).

Vilensky-Sibiryakov V (1925) *Japanese Imperialism*. Leningrad: Priboi (in Russian).